

РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ УСТНОГО ДИАЛОГА В СТРУКТУРЕ ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ТЕКСТА

Эльвина Аметовна АЛИЕВА

кандидат филологических наук, доцент

кафедра русского языкознания

факультет зарубежной филологии

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

ОРНАМЕНТАЛ МАТН ТАРКИБИДАГИ ОҒЗАКИ ДИАЛОГНИНГ НУТҚ ШАКЛЛАРИ

Эльвина Аметовна АЛИЕВА

Филология фанлари номзоди, доцент

Рус тилшунослиги кафедраси

Хорижий филология факультети

Мирзо Улугбек номидаги Ўзбекистон миллий университети

Тошкент, Ўзбекистон

SPEECH FORMS OF ORAL DIALOGUE IN THE STRUCTURE OF THE ORNAMENTAL TEXT

Elvina Ametovna ALIYEVA

PhD in Philology, Associate Professor

Department of Russian Philology

Faculty of Foreign Philology

National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan alieva.elvina@rambler.ru

UDC (УЎК, УДК): 811.161

**For citation (иқтибос келтириш учун,
для цитирования):**

Алиева Э.А. Речевые формы устного
диалога в структуре орнаментального
текста//Ўзбекистонда хорижий тиллар.
— 2020. — № 6 (35). — С. 30-40.

<https://doi.org/10.36078/1613981627>

Received: November 19, 2020

Accepted: December 30, 2020

Published: January 20, 2021

Copyright © 2020 by author(s).

This work is licensed under the Creative
Commons Attribution International License
(CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Open Access

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного анализа функционально-семантического потенциала речевых форм устного диалога в монологическом тексте орнаментальной прозы первой трети XX века. Комплексный анализ речевых форм устного диалога на материале художественных произведений самых ярких представителей орнаментализма: А. Белого, К. Федина, В. Набокова, Ю. Тынянова — показал модификацию функций и семантики данных субъектно-экспрессивных форм синтаксиса на горизонтальном (в синтагматике речевой цепи) и вертикальном (на уровне целого текста) срезах художественного орнаментального произведения. Делается вывод, что эти формы, направленные к другому лицу или предметному миру, будучи употребленными в монологическом субъективном повествовании, изменяют свою семантику и функции под влиянием специфического для орнаментальной прозы контекста и определенных коммуникативных условий. Необычный характер адресата, усложненные отношения между субъектом и объектом, а также специфический для орнаментально-субъективного повествования контекст определили усложнение функционального статуса речевых форм устного диалога. Проведенный анализ использования речевых форм устного диалога в орнаментальной прозе позволил выявить схожие со

стихотворной речью, а также специфичные для поэтического стиля названных авторов семантико-функциональные особенности названных субъектно-экспрессивных форм.

Ключевые слова: субъектно-экспрессивные средства синтаксиса; речевые формы устного диалога; вопрос; императив; второе лицо глагола и местоимения; обращение; функции; семантика; орнаментальная проза.

Аннотация. Мақолада XX асрнинг бошида орнаментал прозанинг монологик матнида оғзаки диалог нутқий шакллари функционал-семантик потенциалининг комплекс таҳлили натижалари тақдим этилган. Орнаментализмнинг энг ёрқин намоёндалари А. Белый, К. Федин, В. Набоков, Ю. Тыняновларнинг бадиий асарлари материалида оғзаки диалог нутқий шаклларининг комплекс таҳлили бадиий орнаментал асарнинг горизонтал (нутқий занжирнинг синтагматикаси) ва вертикал (бутун матн даражасида) кесимида синтаксиснинг субъект-экспрессив шаклидаги функция ва семантика модификациясини намоён этди. Бошқа шахсга ёки оламга йўналтирилган ушбу шакллар монологик субъектив ҳикоя қилиб беришда қўлланилиб орнаментал прозага ўзига хос бўлган контекст таъсири ва муайян коммуникатив шароитлар туфайли ўзларининг семантика ва функциясини ўзгартиради. Қабул қилиб олувчининг ноодатий характери, субъект ва объект ўртасидаги муносабатларнинг мураккаблашуви, Орнаментал-субъектив ҳикоя қилиб бериш учун ўзига хос бўлган контекст оғзаки диалогнинг нутқий шакллари функционал статусини мураккаблашишига олиб келди. Орнаментал прозада оғзаки диалог нутқий шакллари қўллашнинг таҳлили уни шеърини нутққа ўхшашлигини, шунингдек, юқорида келтирилган муаллифларга мос бўлган шеърини услублари қайд этилган субъект-экспрессив шаклларни семантик-функционал ўзига хос хусусиятларини аниқлашга имконият яратди.

Калит сўзлари: синтаксиснинг субъект-экспрессив воситалари; оғзаки диалогнинг нутқий шакллари; савол; императив; феъл ва олмошнинг иккинчи шахси; мурожаат; функциялар; семантика; орнаментал проза.

Abstract. The article presents the results of a comprehensive analysis of the functional and semantic potential of speech forms of oral dialogue in the monologue text of ornamental prose of the first third of the XX century. A complex analysis of speech forms of oral dialogue on the material of works of art by the most prominent representatives of ornamentalism, such as A. Bely, K. Fedin, V. Nabokov, Y. Tynyanov, has showed the modification of the functions and semantics of these subject-expressive forms of syntax on the horizontal (in the syntagmatics of the speech chain) and vertical (at the level of the whole text) sections of an artistic ornamental work. It is concluded that these forms, directed to another person or the objective world, being used in a monological subjective narrative, change their semantics and functions under the influence of a context specific for ornamental prose and certain communicative conditions. The unusual character of the addressee, the complicated relations between the subject and the object, as well as the context specific for the ornamental-subjective narrative, determined the complication of the functional status of the speech forms of oral dialogue. The analysis of the use of verbal forms of oral dialogue in ornamental prose made it possible to identify semantic and functional features of the named subject-expressive

forms that are similar to verse speech, as well as to the poetic style of the named authors.

Keywords: subjective-expressive means of syntax; speech forms of oral dialogue; question; imperative; second person of a verb and pronouns; appeal; functions; semantics; ornamental prose.

Введение. В настоящее время изучение экспрессивных синтаксических средств, стилистического их использования отдельными писателями представляется актуальным направлением в области лингвистических исследований (11, 3, 10, 6, 4, 8).

В 20-х годах XX века творческие искания многих писателей шли по пути обновления формы художественного текста, что не могло не сказаться и на языке. Одним из принципов искусства слова провозглашается прием «затрудненной формы», который воспроизводился различными способами. На место классическому типу объективного повествования приходит орнаментальная проза, ориентированная на язык лирической поэзии, что проявлялось в передаче эмоционального восприятия мира субъектом речи, а также в воспроизведении идеологической позиции героя, в имитации его внутренней речи. Этому способствовало использование в языковой структуре орнаментальных произведений экспрессивных форм синтаксиса. Образцами орнаментальной прозы считаются произведения А. Белого «Петербург», К. Федина «Города и годы», Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», В. Набокова «Дар». Перечисленные романы характеризуются взаимодействием различных повествовательных форм, в них наблюдается обыгрывание разнообразных видов коммуникативных ситуаций, типов субъектов, адресатов речи, схожих с отмеченными И. И. Ковтуновой в лирической поэзии (9, 63–83), и ряд специфических типов коммуникативных контактов, не характерных для лирической поэзии (1). В связи с этим речевая структура названных романов характеризуется экспрессивностью и использованием большого количества субъектно-экспрессивных средств синтаксиса, отличающихся своеобразием функционального потенциала. В языковой структуре названных романов среди субъектно-экспрессивных средств синтаксиса выделяются речевые формы устного диалога (далее — РФУД). К ним относятся вопрос, повеление, обращение и формы второго лица глаголов и местоимения. И. И. Ковтунова (9), рассматривая функциональный потенциал этих языковых единиц в поэзии, распределила их на две группы: сильные и слабые. К сильным она отнесла вопрос и повеление, которые «предполагают определенную реакцию собеседника» (9,61), а к слабым — обращение и второе лицо глаголов и местоимений, «не требующие определенной реакции со стороны адресата» (9, 61). Лингвист отмечала, что изменение, усложнение и преобразование функций данных языковых категорий происходит под влиянием своеобразия поэтического языка и условий коммуникативных ситуаций.

Основная часть. Анализ особенностей использования вопроса, способов выражения, типов включения в текст, отношений и видов связи с окружающим контекстом показал его богатый семантико-функциональный статус как на микро- так и

на уровне макротекста (1). При описании функционального своеобразия названной языковой единицы мы не раз обращали внимание, что вопросу сопутствуют все названные РФУД, включаясь либо в состав вопросительного предложения, либо в окружающий его контекст.

Проведенный нами анализ функционирования РФУД в субъективных типах повествования на материале орнаментальной прозы показал, что их глубинную семантику, как и в стихотворной речи, предопределяет прежде всего характер коммуникативных ситуаций. Необычный характер адресата, усложненные отношения между субъектом и объектом, а также специфический для орнаментально-субъективного повествования контекст определили усложнение функционального статуса РФУД.

Формы императива приобретают различные типы модально-эмоциональных значений: долженствования, эмоционально-окрашенного пожелания, просьбы-мольбы, заклинания — и могут совмещать сообщение о факте с модально-волевой оценкой или значением повеления и условия. То есть формы повеления развивают в художественно-прозаической речи функциональную асимметрию по типу отношений омонимии, полисемии и синонимии. Так как грамматическая форма повелительного наклонения не утрачивает зачастую своего первичного значения, то возникает «частичная асимметрия между формой и функцией — асимметрия на фоне симметрии» (10, 169–179). Анализ также показал, что, употребляясь в монологической речи, формы повелительного наклонения глаголов могут становиться би- и полифункциональными. Полифункциональные повелительные высказывания оказываются средством выражения сложной информации, свойственной орнаментальной прозе, ориентированной на язык лирической поэзии. Так, например, в речевой ткани романа «Смерть Вазир-Мухтара» повеления, встречающиеся в пространном монологе Сипягина и в диалоге Грибоедова со своей совестью, в связи с тем, что они непосредственно направлены к собеседнику, не теряют своей первичной функции — аппеллятивной и выражают волеизъявление: приказ, просьбу и т.д. Например: *Нет, вы скажите, полковник!* В данном случае форма синтаксического побудительного наклонения, образованная постановкой спрягаемого глагола во втором лице множественного числа, в сочетании с местоимением Вы выражает настойчивость адресанта речи, Сипягина, то есть передает его эмоционально-экспрессивную интенцию. Кроме того, все повеления в этом монологе в сочетании с обращением и местоимением во втором лице множественного числа создают эффект присутствия безмолвного собеседника. То есть возникает диалогизация монолога.

При автоадресации (в разговоре Грибоедова со своим вторым «Я») волеизъявление актуализируется, но в связи с тем, что в этом разговоре наблюдается раздвоение личности и герой обращается ко второму «Я» как к обыкновенному собеседнику, то в формах повеления наблюдается расширение значения. Так, например, в отрывке: «— *Присядь, подумай.* — Ты сегодня нул

ногой собаку на улице, вспомни» формы повелений, кроме побуждения к действию, выражают и желание, чтобы адресат осуществил это действие. Кроме того, формы повеления в сочетании с местоимением второго лица («я» — «ты») единственного числа создают дистанцию, воплощают раздвоенность внутренней позиции героя, способствуют диалогизации монолога (1). То есть в данном случае наблюдаются явления, о которых еще В. В. Виноградов отмечал: «в сфере повествовательной прозы вообще наблюдается тенденция к “монологизации” диалога, к осуществлению своеобразных гибридных форм “диалогизованного монолога”» (7, 84).

Утрата и ослабление прямого побудительного значения и появление модальных значений в данных формах возникает в связи с необычным характером адресованности речи. Так, в приведенном ниже примере повествователь-рассказчик адресует свою речь неопределенному адресату, читателю, как непосредственно не присутствующему в момент речи лицу. В связи с этим «прямое побуждение к действию уступает место выражению желания, чтобы адресат совершил это действие», например: *Тридцать нолей: это ужас; да: зачеркните вы единицу — провалятся тридцать нолей («Петербург»)*. Так как между предикативными частями второго компонента этого бессоюзного сложного предложения усложненной конструкции устанавливаются условно-следственные отношения, то морфологическая форма второго лица множественного числа повелительного наклонения выражает синтаксическое условное наклонение и относится к плану неопределенно-будущего времени. Осуществление пожелания, выраженного субъектом речи, окажется тем условием, которое повлечет за собой закономерное следствие.

Отсутствием адресата в момент речи или адресации к неодушевленному предмету обусловлена утрата прямого значения побуждения и приобретение «значения желательности» (5,94), что сближает побудительные предложения с оптативными, то есть возникает синонимия между этими типами предложения.

В нижеприведенном примере наблюдается противоположная картина: *Вечером город кажется неизведанным, таинственным, модным. Огни магазинов переряжают человека на каждом шагу. Вот он мрачен и загадочен, вот ласков и простодушен, вот печален, вот радостен. Если хочешь перелить свое счастье в мускулы и кости, и пробовать его на ощупь ладонью — **выйди** на улицу в час, когда только что засветились фонари и лавки, пробеги сквозь снующие по тротуарам девичьи выводки, **разминись** с ловеласом, бездельником жуиром, **посторонись** занятого озабоченного человека...* («Города и годы»). В сложноподчиненном предложении усложненной конструкции часть, включающая формы повеления, — главная. Глагол в морфологическом повелительном наклонении выражает не столько требование, сколько модальное значение долженствования, совета. Форма повелительного наклонения, не связанная с выражением воли говорящего, служит только «образным» обозначением возможности действия. Выражение

возможности действия указывается специальным лексическим окружением «если хочешь». Связь действия с субъектом «представляется уже навязанной субъекту» (12, 52), которым в данном случае посредством обобщенного второго лица является любой, всякий вообще. Обобщенный смысл, высказанный формами повелительного наклонения, помимо «неопределенного адресата придает им модальное значение, позволяющее частично соотнести их с модальными суждениями» (9, 81). Данные формы повеления являются знаком переключения с объективно-авторского на субъективно-авторское повествование.

Этот своеобразный монолог повествователя, адресованный читателю, представляет собой лирическое отступление, внутренне связанное с повествованием, и является композиционно-структурной формой когезии.

В других случаях наблюдается ослабление первичной функции повеления и приобретение не одной, а нескольких не свойственных данной форме устного диалога функций. Так, в ситуации, где субъектом речи выступает герой и сближенный с ним повествователь, адресующие свою речь к не лицу, формы повелительного наклонения утрачивают прямое значение побуждения в связи с необычной адресацией и приобретают более сложные языковые значения. Обратимся к примерам: *Ветер взморья рванулся: посыпались последние листья: и Александр Иванович все знал наизусть: Будут, будут кровавые, полные ужаса дни, и потом — все провалится; о, кружитесь, о вейтесь, последние дни! О, кружитесь, о вейтесь по воздуху вы, — последние листья! («Петербург»)*. В данном отрывке формы повелительного наклонения от глаголов несовершенного вида с лексическим значением длительности обозначают одновременно желаемое действие и относящееся к плану неопределенно будущего времени, и реальное действие, которое уже происходит в момент речи. В этом случае повелительное по форме высказывание сообщает о том, что происходит сейчас и желательно, что бы происходило в будущем. Это сближает подобные формы с изъявительным наклонением. Но в отличие от изъявительного наклонения сообщение в форме повеления одновременно передает и эмоционально-оценочное отношение к нему со стороны субъекта речи — повествователя: его желание, чтобы это происходило и продолжалось, на что указывает повтор повелительных форм. В то же время двукратный повтор с лексическим распространением, образующий стык, усиливая значение желательности, придает этим формам и всему отрывку значение заклинания. В связи с тем, что здесь временной отрезок уподобляется предмету, возникает метафора, поддерживаемая глагольной метафорой «кружитесь, вейтесь». Под влиянием специфических условий коммуникаций данное обозначение становится коммуникативной метафорой. Субъективная ассоциация, связывающая протекание временных отрезков (дни) с полетом осенних листьев, позволяет приписать этим «дням» изначально несвойственные им действия, что усиливает поэтическую функцию форм повеления.

Итак, повеления, выполняющие функцию сообщения, становятся частичными синонимами повествовательных предложений. Но так как формы повелительного наклонения,

кроме функции сообщения, несут в себе еще модально-оценочное, усиленное междометиями и волевое значение, то возникает «контекстуальная полисемия (совмещение в данном контексте двух или нескольких значений в одном знаке)» (9, 197–198).

Изменение условий коммуникаций так же, как и в стихотворной речи, может приводить к совмещению в обращениях функций адресации с номинацией или характеристикой, либо усложнению апелляции эмотивной функцией. Так, в ситуации, где речь повествователя обращена к внешнему адресату, читателю, представлено обращение, выраженное простым субстантивным словосочетанием, сопровождающееся частицей «о»: *О, достойный читатель, явили наружность бриллиантовых знаков без юмора мы: как она предстояла бы всякому наблюдателю...* («Петербург»). Оно представляет собой обращение-характеризацию (по Ковтуновой), так как оно включает в себе квалификативные признаки адресата (обращение-отношение, по Формановской). И сигнализирует об отношении адресанта к адресату, сообщая последующему высказыванию дополнительную вежливость, в которой чувствуется авторская ирония. В то же время посредством обращения к читателю создается эффект присутствия, приближения адресанта к адресату.

Аналогичный пример: *Дай руку, дорогой читатель, и выйдем со мной в лес. Смотри: сначала — сквозистые листья, с островками чертополоха, крапивы или царского чая* («Дар»). Данное обращение тоже создает эффект присутствия адресата в момент речи. Совместно с глаголом второго лица повелительного наклонения, призывающим внешнего адресата к совместному действию, к сотворчеству, оно переносит читателя в романский мир, то есть раскрывает перед ним возможность, которую в силах осуществить «волшебник»-автор.

В ситуации, когда автор приближен к герою, передает его мысли, переживания, чувства, обращения также не теряют первичную функцию апелляции. Например: *Тогда Мари скользит по мутно-серым фасадам старых домов, слепыми улицами, бегущими от ратуши черной пятерней к беззвучным променадам... в нее. Потом по лестнице — шестьдесят семь ступенек, если через одну — тридцать четыре шага. Если придешь точно — в восемь вечера по часам ратуши, — приоткрытый вход на четвертой площадке. В него. Через переднюю, прямо. Там. Только точно в восемь вечера по часам ратуши, Мари! Только точно, Мари!* («Города и годы»). Присутствие в контексте глагола 2 лица усиливает адресацию речи. На значение адресации, свойственное всему высказыванию «Только точно...», накладывается модальное значение, которое несет в себе контекст, содержащий диалогические формы: глагол во 2 лице ед. ч., дейктические местоимения, неполные и эллиптические структуры, побудительные предложения. Они свидетельствуют о глубинной внутренней связи между адресантом и адресатом, создают иллюзию присутствия субъекта речи, одновременности его восприятия действительности и речи.

Помимо языковых функций, обнаруживающихся в синтагматике речевой цепи, обращения выполняют и

художественные функции, которые выявляются с учетом лингвопоэтических факторов их использования в тексте названных романов. Основная функция обращений в орнаментальной прозе состоит в том, чтобы создавать эффект присутствия субъекта речи, иллюзию непосредственного восприятия читателем отраженной в произведении художественной реальности. Аппелляция речевого субъекта к странам, городу, явлениям природы и т.д., ставшими его внутренними адресатами, представляет собой коммуникативную метафору, усиливающую характерную для речевой ткани романа выразительность и эмоциональность.

Они служат одним из показателей субъективизации повествования. Благодаря смене третьего лица на второе происходит переход от внешней, объективной точки зрения на внутреннюю точку зрения субъекта речи. Например: *В полдень послышался клюнувший ключ, и характерно трахнул замок: это с рынка домой Марианна пришла Николаевна; шаг ее тяжкий под томный шумок макинтоша отнес мимо двери на кухню пудовую сетку с продуктами. Муза Российския прозы, проснись навсегда с капустным гекзамером автора «Москвы».* В предшествующем контексте В. Набоков пародирует стиль А. Белого. Обращение к Музе и содержание последующего побудительного предложения не оставляет сомнений в том, что предшествующий текст — стилизация. Обращение и повеление акцентирует внимание читателя на этом, следовательно, они выполняют метатекстовую функцию. Вместе с тем столь «пышное», приподнятое устарелым книжным окончанием прилагательное «Российския» в обращении, констатирующее с нейтральной тональностью текста, свидетельствует об иронической авторской оценке ритмизированной прозы Белого.

В то же время все обращения к нелицам, к заведомо некоммуникабельным объектам, выступают в роли «коммуникативной метафоры» (9, 90). Подобные обращения используются в речевой ткани романов для воплощения акта коммуникации между разными внутренними сторонами речевого субъекта. Тексты, заключающие обращения к нелицам, могут не нести никакой информации, а воплощать духовные поиски или передавать душевное состояние субъекта речи. В обращении к нелицам значение адресации ослабевает, оно свидетельствует о близости, о глубоком внутреннем контакте субъекта речи с адресатом. Такие обращения, сопровождающиеся речью во 2 лице, вклиниваются в объективно-авторское повествование, несобственно-прямую речь героев или прерывают диалог героев без какой-либо подготовки.

Формы второго лица местоимений и глаголов, сопровождающие, как мы видели в примерах, повеления, обращения, в рамках художественно-прозаического целого способны создавать диалогические отношения повествователя или героя произведения с различными типами адресатов. При аппелляции повествователя к читателю основной функцией форм второго лица местоимений и глаголов является создание прямого контакта между повествователем и читателем.

Достаточно часто местоимения «ты» и «вы» трансформируются в местоимение «мы» (которое вбирает в себя

«Я и Вы», «Я и Ты») и используются как прием косвенного контакта между повествователем и читателем. Под влиянием лексического контекста контактоустанавливающее местоимение «мы» может становиться средством иронического подтрунивания повествователя над читателем (либо героем), пародирования его позиций (1,18–20). Очень выразительны в тексте романа А. Белого «Петербург» фрагменты, в которых представлено «перетекание» форм адресации от обобщенного «Вы» к обобщенному «Мы». Апелляция к обобщенному адресату внутренней речи повествователя вытесняется здесь автоадресацией, субъектом которой оказываются нерасчлененные автор и обобщенный читатель. Например: *«Вы представьте: пункт тела испытывает стремление распространиться без меры [...] представьте себе, что вы ощущаете сознательно не один пункт, а все пункты; они поразбухли — разрежены в газообразное состояние, мы — разорвались на части, и целостно только сознание о разорванных ощущениях. Что бы мы ощутили? Ощутили бы мы: что разъятые органы отделены друг от друга [...] Если бы мы могли себе представить, перед нами бы встали первые стадии преоцущений Липпаченки, стоявшего на пороге двух комнат»*. В приведенном фрагменте автор, объясняя психологическое состояние героя, обращается к читателю с целью активизировать его воображение. Сначала описание внутренних ощущений Липпаченки осуществляется с точки зрения читателя (опираясь на его фонд знаний). Затем, приближаясь к последнему, сливаясь с ним, автор передает состояние героя, апеллируя не только к внутренним ощущениям читателя, но и к своим.

Помимо этого, анализ (2) показал, что с помощью форм второго лица местоимений и глаголов может осуществляться апелляция повествователя (или героя) к внутренним адресатам — героям, отсутствующим в момент речи («Дар»), что способствует диалогизации монолога, воплощает раздвоение сознания субъекта речи.

Формы второго лица местоимений и глаголов, использованные в ситуации коммуникативного контакта с заведомо некоммуникабельными объектами, нелицами, служат знаком внутренней сопричастности, близости автора или героя к предмету речи («Дар», «Петербург»). Коммуникативный контакт с нелицом выступает одновременно в качестве специфической для орнаментальной прозы формы автокоммуникации повествующего субъекта и воплощает не только его поэтическое познание, но и самопознание, самораскрытие, самовыражение (2).

Вывод. Анализируемые синтаксические категории на уровне макротекста участвуют:

— в осуществлении игры пространственных планов (переход от 3 ко 2 лицу); чередовании повествовательных форм: игра внешней и внутренней точками зрения осуществляется с помощью РФУД не только в рамках всего художественного целого, но и в отдельных фрагментах текста, на уровне сложного синтаксического целого;

— в субъективизации повествования;

— в создании полифонизма речевой структуры художественного текста;

— в создании лейтмотива центральной темы, лежащей в основе произведения;

а также выполняют изобразительно-выразительную функцию, а именно опосредованно раскрывают внутреннее состояние субъекта речи (повествователя или героя), раскрывают его идеологические позиции.

Проведенный анализ использования РФУД в орнаментальной прозе позволил выявить схожие со стихотворной речью, а также специфичные для поэтического стиля названных авторов семантико-функциональные особенности РФУД.

Эти формы, направленные к другому лицу или предметному миру, будучи употребленными в монологическом субъективном повествовании, изменяют свою семантику и функции под влиянием специфического для орнаментальной прозы контекста и определенных коммуникативных условий. Высказывание И. И. Ковтуновой: «Отбор грамматических средств становится принадлежностью поэтического языка, если эти средства оказываются семантически значимыми и выполняют определенные смысловые функции в индивидуальной поэтической системе. Предпочтение отдельных грамматических категорий и форм может свидетельствовать о фундаментальных свойствах данного поэтического мира» (9, 4), на наш взгляд, полностью характеризует язык орнаментальной прозы.

Использованная литература

1. Алиева Э.А. Семантико-функциональный потенциал вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века). — Т., 2016. — 128 с.
2. Алиева Э.А. Семантико-функциональный статус второго лица местоимений и глаголов в языке орнаментальной прозы. // Иностраннные языки в Узбекистане. № 5, 2019. — С. 49–60
3. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990. — 168 с.
4. Бао Хун Экспрессивные средства русского синтаксиса в структуре текста. — М., 2003. — 252 с.
5. Белошпкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. — М., 1977. — 248 с.
6. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. — М., 2004. — 208 с.
7. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. — М., 1980. — 360 с.
8. Князева Н.В., Королькова Е.Е. К вопросу об экспрессивных синтаксических средствах. — URL: <http://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-ob-ekspressivnykh-sintaksicheskikh-sredstvakh-yazyka.html>
9. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. — М.: Наука, 1986. — 208 с.
10. Ковтунова И. И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. — М., 1993. — С. 106–154
11. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. — Томск, 1981. — 255 с.

12. Шмелев Д.Н. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке. — РЯШ, 1961, № 5. — С. 52–61

References

1. Alieva E.A., *Semantiko-funkzional'nye osobennosti voprosa v hudozhestvenno-prozaicheskom monologe (na materiale yazyka russkoy prozy pervoy trety XX veka)* (Semantic and Functional Potential of the Issue in Artistic and Prose Monologue), Tashkent, 2016, 128 p.
2. Alieva E.A., *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki. Vyipusk 120, No. 3 (437), 2020*, pp. 7-11
3. Akimova G.N., *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* (New in the Syntax of the Modern Russian Language,), Moscow, 1990, 168 p.
4. Bao Hun, *Ekspressivnyie sredstva russkogo sintaksisa v strukture teksta* (Expressive Means of Russian Syntax in the Structure of the Text), Moscow, 2003, 252 p.
5. Beloshapkova V.A., *Sovremenniy russkiy yazyk. Sintaksis* (Modern Russian Language. Syntax), Moscow, 1977, 248 p.
6. Beregovskaya E.M., *Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu* (Essays on Expressive Syntax), Moscow, 2004, 208 p.
7. Vinogradov V.V., *O yazyike hudojestvennoy prozyi* (About the Language of Fiction), Moscow, 1980, 360 p.
8. Knyazeva N.V., Korolkova E.E. *K voprosu ob ekspressivnykh sintaksicheskikh sredstvakh*, available at: <http://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-ob-ekspressivnykh-sintaksicheskikh-sredstvakh-yazyka.html>
9. Kovtunova I.I., *Poeticheskiy sintaksis* (Poetic Syntax), Moscow, 1986, 208 p.
10. Kovtunova I.I. *Ocherki istorii yazyika russkoy poezii XX veka. Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* (Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Grammar categories. Text syntax), Moscow, 1993, pp. 106-154
11. Skovorodnikov A.P., *Ekspressivnyie sintaksicheskie konstruksii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyika* (Expressive Syntactic Constructions of the Modern Russian Literary Language), Tomsk, 1981, 255 p.
12. SHmelev D.N. *Russkiy yazyk v shkole*, 1961, No 5, pp. 52-61.